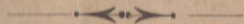

Е. К. Рвдинъ.

ПАМЯТИ
профессора А. А. ПОТЕБНИ.

(† 29-го Ноября 1891 года).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1901.

Е. К. Рѣдинъ.

ПАМЯТИ
профессора А. А. ПОТЕБНИ.

(† 29-го Ноября 1891 года).

ЦЕНТ. БИБЛ. НАУКОВА
БИБЛ. ПОТЕБНА

21657

21657
21657
34p.
VII

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.
1901.

9908

58

66 89

Дозволено цензурою. Харьковъ, 3 Декабря
1901 года.

87
70

Памяти профессора А. А. Потебни.

(† 29-го ноября 1891 г.).

Въ четвергъ, 29 ноября, исполнилось десятилѣтіе со дня смерти А. А. Потебни, одного изъ лучшихъ профессоровъ нашего университета, выдававшегося и своими учеными трудами, сдѣлавшими имя его знаменитымъ въ ученой литературѣ, и своей преподавательской дѣятельностью, благодаря которой онъ былъ такъ дорогъ ученикамъ его, и, наконецъ, своими многими качествами, какъ скромный, добрый, отзывчивый на все прекрасное—человѣкъ.

Историко-филологическое Общество при нашемъ университетѣ, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ и для котораго много поработалъ, устроило въ этотъ день засѣданіе, посвященное памяти его. Въ началѣ засѣданія проф. Н. О. Сумцовъ въ прочувствованныхъ словахъ охарактеризовалъ симпатичную личность А. А. Потебни и предложилъ почтить память его вставаніемъ.

О. Г. Кашменскій прочелъ свои воспоминанія о проф. Потебнѣ, въ которыхъ далъ блестящую характеристику его, какъ профессора—преподавателя и вообще какъ ученаго и человека. Воспоминанія г. Кашменскаго относятся къ 1876—1880 гг.; являясь выраженіемъ чувствъ любви къ дорогой памяти учителя, эти воспоминанія вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ весьма важный матеріалъ къ біографіи нашего ученаго и къ исторіи нашего университета.

Сообщимъ нѣкоторыя наиболѣе интересныя данныя изъ этихъ воспоминаній.

Говоря о манерѣ чтенія лекцій проф. Потебней, авторъ воспоминаній такъ характеризуетъ ее: „Она была оригинальна и глубоко поучительна для людей въ его положеніи. Ни одной черточки олимпійскаго величія, ни одного дѣланнаго, на эффектъ рассчитаннаго жеста, ни тѣни декламации,—словомъ, ничего искусственнаго въ чтеніи А. А. не было: это—воплощенная простота, исполненная достоинства и благородства... Мы какъ бы присутствовали при постепенномъ развитіи его мыслей относительно даннаго вопроса, при его научномъ творчествѣ; онъ какъ бы самъ для себя уяснялъ извѣстное положеніе, обнажалъ его до корня, обставляя удивительно мѣткими примѣрами и аналогіями; онъ увлекался этимъ творчествомъ, этими, какъ бы впервые вотъ

сейчасъ приходившими въ его голову, мыслями, увлекался и насъ увлекалъ до самозабвенія; онъ вводилъ насъ въ лабораторію научныхъ изысканій, онъ дѣлалъ насъ участниками въ открытіи научной истины, онъ показывалъ намъ, какъ творится наука. Мы, увлеченные потокомъ его оригинальныхъ и глубокихъ мыслей, пораженные неожиданно всплывавшими въ умъ сопоставленіями, мы, радовавшіеся тому, какъ у него спорилась на нашихъ глазахъ совершаемая работа, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ его научныхъ выводовъ, въ буквальномъ смыслѣ теряли ощущеніе того, что подъ нами скамьи, а предъ нами столы, а по сторонамъ у насъ стѣны, мы отрѣшались отъ тѣла, выходили изъ тѣлесной оболочки, обращались въ слухъ, съ боязнью пропустить хоть одно звено развертывавшейся предъ нами цѣпи логическихъ ассоціацій, и млѣли въ благоговѣйномъ чувствѣ предъ думавшимъ вслухъ мо-

гучимъ и прозорливымъ мыслителемъ: когда уходилъ онъ изъ аудиторіи, то оставлялъ насъ опьяненными этой удивительно-глубокой, ясной, виртуозно-логической работой мысли. Послѣ каждой его лекціи мы чувствовали себя выше въ своихъ собственныхъ глазахъ, умнѣе, мы понимали, до какихъ альпійскихъ высотъ можетъ подыматься мысль человѣка. Такъ много онъ давалъ намъ—это были счастливые для насъ часы“.

Характеризуя далѣе способъ преподаванія А. А. Потебни и перечисливъ читанные имъ курсы, авторъ воспоминаній замѣчаетъ: „Уже изъ одного наименованія курсовъ можно видѣть, что это—курсы спеціальные. А. А. глубоко сознавалъ эту особенность своихъ курсовъ, но иначе читать не могъ: онъ читалъ только о томъ, что составляло предметъ его научнаго изслѣдованія предъ годомъ чтенія, а часто онъ приходилъ на лекцію

съ тѣмъ, что проанализировалъ, подвергъ научной фильтраціи вчера, третьяго дня: такое чтение по свѣжимъ слѣдамъ кабинетной работы про себя имѣло мѣсто тогда, когда результаты его работы представлялись ему особенно поучительными въ смыслѣ сообщенія намъ слушателямъ импульса для работы въ извѣстномъ направленіи, или когда онъ хотѣлъ обратить наше вниманіе на какое-либо выдающееся явленіе въ области литературной или научной. И это онъ дѣлалъ необычайно искусно: онъ вплеталъ этотъ вопросъ въ систему своихъ специальныхъ чтеній, или какъ иллюстрацію къ тому, какъ принципы, лежащіе въ основѣ созданія отдѣльнаго слова или вліянія созданнаго уже слова на развитіе дальнѣйшей мысли, при обобщеніи ихъ, могутъ быть приложены къ критикѣ обширнѣйшихъ литературныхъ произведеній“.

Воспоминанія О. Г. Кашменскаго,

прочитанныя имъ съ чувствомъ, съ искреннимъ воодушевленіемъ, произвели глубокое впечатлѣніе на слушателей, вызвавъ предъ ними образъ дорогого учителя, товарища, слабымъ намекомъ на который служилъ большой прекрасный фотографическій портретъ, поставленный въ залѣ засѣданія Общества.

Многіе изъ членовъ Общества подѣлились по поводу этихъ воспоминаній—своими и указали на значеніе подобныхъ воспоминаній не только для біографіи покойнаго, но и для исторіи университета (проф. Д. И. Багалъй, Н. О. Сумцовъ, В. П. Бузескуль, М. С. Дриновъ).

Проф. М. Г. Халанскій познакомилъ въ качествѣ матеріала къ біографіи А. А. Потебни съ его письмами, относящимися ко времени пребыванія его въ Берлинѣ въ 1862 г.

„Шестидесятые годы, говорилъ проф. Халанскій, были вообще въ жизни

русскихъ университетовъ временемъ, когда послѣ долгаго перерыва стали заботиться о пополненіи ихъ новыми преподавательскими силами. Окончившій въ 1856 году курсъ историко-филологическаго факультета А. А. Потебня въ числѣ первыхъ кандидатовъ былъ отправленъ въ 1862 году Харьковскимъ университетомъ за границу, въ Берлинъ. О пребываніи Потебни за границей было извѣстно только то, что онъ самъ сообщалъ А. Н. Пышину въ своей автобіографской запискѣ, въ приложеніи къ III-му тому исторіи русской этнографіи. По счастливой случайности мы получили возможность воспользоваться любопытнымъ матеріаломъ, относящимся къ этому періоду жизни Потебни. Матеріалы эти—три собственноручныхъ письма А. А. Потебни изъ Берлина къ Ив. Егор. Бѣликову“.

Письма эти, по словамъ докладчика, и по отзыву нѣкоторыхъ членовъ Об-

щества, высказавшихся по прочтении ихъ, содержатъ много чрезвычайпо цѣнныхъ матеріаловъ, какъ для изученія хода внутренней жизни А. А., такъ и для характеристики идейной стороны жизни Харьковскаго университета въ шестидесятые годы.

Весьма интересно первое письмо Потебни, въ которомъ онъ говоритъ объ университетахъ нѣмецкихъ и русскихъ, о связи ихъ съ обществомъ, съ роднымъ краемъ, о связи профессоровъ со студентами. Мы приведемъ лишь нѣкоторые отрывки изъ письма, наиболѣе характернаго и важнаго.

„Нѣтъ ничего глуше и унижительное, говоритъ Потебня, какъ подражать иностранцамъ на Россійскій манеръ; но не дурно поучиться и у нѣмца дорожить своимъ.

Какъ вообще должна быть связь между явленіями общественной жизни, такъ вѣроятно есть она и въ томъ, что человѣкъ, мало сознающій свою

связь съ народомъ и обществомъ, не сознаеть и своей связи съ университетомъ, который, если не есть, то, кажется, долженъ быть микрокосмомъ общества (разумѣется съ извѣстными ограниченіями). Университетъ прикрѣпленъ къ почвѣ и поэтому лжекосмополитъ (истинныхъ нѣтъ на свѣтѣ), который считаетъ себя гражданиномъ только вселенной, не будетъ себя считать прикрѣпленнымъ къ университету...

Я хотѣлъ бы, чтобы въ нашихъ студентахъ развилась мысль, что они больше чѣмъ профессора отвѣчаютъ за будущность университета... нельзя отвѣчать за результаты, которые могутъ быть не разъ уничтожены стеченіемъ обстоятельствъ, но можно отвѣтить за чистоту и постоянство своихъ намѣреній; поэтому прежде всего всѣмъ нужно желать добра университету. Потомъ нужно изъ себѣ приготовить профессоровъ, стало быть нужно заниматься....

Что до связи нашей разобщенности съ особенностью края, то ее предполагали уже многіе. Кажется, она есть слѣдствіе того, что мы не сознаемъ своей племенной особенности и вмѣстѣ не признаемъ своего тождества съ окружающею насъ массою... Отъ нашей не-народности наша разобщенность, эгоизмъ, общественная слабость; стремленіе къ сознанію народности—вмѣстѣ стремленіе къ связи, къ освобожденію себя отъ господства грубыхъ личныхъ интересовъ, къ общественной силѣ, какъ слѣдствіи силы личности. Единственно прочный прогрессъ тотъ, который начинается съ личностей и отъ нихъ расходится кругами, который идетъ изнутри общества.

Если хотимъ связи университета, общества, всего народа—прежде всего очистимъ свои сердца и помышленія. Власть, вліяніе, матеріальныя силы приложатся сами собой“.

Духомъ истинной, глубокой любви къ

своей народности, къ изученію ея, какъ залогъ нашего культурнаго роста — проникнуто второе письмо Потебни, написанное совершенно въ духъ его научныхъ изслѣдованій, полное высокопоучительныхъ мыслей, свидѣтельствующихъ о великомъ развитіи ихъ автора, о высокой любви его къ наукѣ, къ родинѣ.

„Здѣсь, въ Берлинѣ, пишетъ Потебня, тоска одиночества, о какой я не имѣлъ понятія на родинѣ. Болѣзненное нравственное и физическое состояніе, которое никакъ не могло быть устранено ни гуляньемъ „подъ липами“, ни театромъ, ни ученіемъ санскритской грамматики, заставило меня прибѣгнуть къ легкому чтенію. Первая прочтенная мною книга обратила мою мысль къ Вамъ и нашимъ общимъ обстоятельствамъ. Съ Рилемъ я до сихъ поръ былъ вовсе не знакомъ, даже по извлеченіямъ въ русскихъ журналахъ. Тѣмъ освѣжительнѣе

подѣйствовала на меня вынесенная изъ этого чтенія увѣренность, что мы въ своемъ закоулкѣ не отгорожены отъ болѣе видной умственной дѣятельности запада, что, когда приспѣетъ время, въ разныхъ головахъ рождаются въ сущности однѣ и тѣ-же мысли, однимъ словомъ, что путь самообразованія въ народномъ духѣ, о которомъ мы говоримъ въ Харьковѣ, есть истинный для нашего времени путь, отклоненіе отъ него—болѣзнь русской цивилизаціи:“

Той-же любовью къ изученію своей народности вообще и украинской въ частности проникнуто третье письмо Потебни. „Наши отцы и дѣды, пишетъ Потебня, были крѣпки въ своей народности невольно, сами того не сознавая; они могли еще оставаться украинцами; мы уже можемъ быть крѣпки только сознаніемъ своей особенности. Предстоитъ опасность, искавши свою народную особность, на-

ходить не то, что есть, а то, чего хотимъ; но чистое, правдивое стремленіе всегда выведетъ на вѣрный путь.“

Вышеприведенными характеристиками свѣтлой личности знаменитаго профессора, выдержками изъ его писемъ мы, конечно, лишь отчасти познакомились съ его выдающимися умственными способностями, съ его душевнымъ складомъ; но и они, внѣ сомнѣнія, даютъ истинное понятіе о немъ, пробуждаютъ интересъ къ его личности, возбуждаютъ желаніе поближе познакомиться съ его жизнью, произведеніями.

✓ Свѣтлый образъ профессора дорогъ намъ, нашему университету; онъ долженъ быть дорогъ и грядущимъ поколѣніямъ учащихся въ нашемъ университетѣ, какъ образецъ истиннаго ученаго, истиннаго человѣка, истиннаго сына своей родины.

Нельзя не выразить пожеланія,

чтобы нашимъ университетомъ были изданы всѣ матеріалы, относящіеся къ жизни Потебни, чтобы были изданы еще ненапечатанные его труды, чтобы была приготовлена біографія его въ связи съ характеристикой его трудовъ и его значенія въ исторіи русской науки и въ исторіи харьковского университета, чтобы эта біографія вошла въ составъ того студенческаго альманаха, который заключалъ бы въ себѣ краткую исторію университета и путеводитель по всѣмъ его учебно - вспомогательнымъ учрежденіямъ. Нельзя не выразить, наконецъ, пожеланія, чтобы образъ профессора былъ свѣтлымъ руководителемъ нашего учащагося молодого поколѣнія, чтобы послѣднее было проникнуто той же любовью къ наукѣ, къ родному университету и краю, котораго онъ составляетъ культурный центръ, какою былъ проникнутъ А. А. Потебня.

Е. Рѣдинъ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАЯ
ФАБРИКА

№